

произающее Ея сердце, — во всей жизни Сына Ея и въ Его крестной смерти. Крестный путь Ея Сына есть и Ея соб-
свенный, съ Нимъ Она сораспинается у креста Его. Радость Благовѣщенія совершается черезъ крестъ и въ немъ находитъ свое основаніе. Но гдѣ эта радость? — усумнится малодушное сердце, — когда единственнымъ непосредственнымъ исполненіемъ вѣсти Благовѣщенія является крестъ? И однако крестъ, вольно или даже невольно принимаемый, есть единственный прямой путь къ радости спасенія къ водворенію царствія Божія въ сердцахъ и во всемъ мірѣ. Скорби его уже нѣтъ въ побѣждающей радости, но въ ней послѣдняя имѣетъ силу и правду свою: Крестъ — знаменіе побѣды, ко-

торое явится въ небесахъ въ день Второго пришествія Сына Божія. Онъ есть вѣчное свидѣтельство любви Божіей къ міру, какъ и нашей любви къ Богу и къ человеку, Онъ есть сила любви. Эта любовь и есть подлинная радость, побѣдная, торжествующая радость на вѣки. Потому Кресто-Благовѣщеніе есть сугубо Благовѣщеніе, ибо въ немъ благовѣствуется заразъ и начало, и середина, и конецъ, — и путь и цѣль. И въ немъ архангельскій гласъ: «радуйся, благодатная, Господь съ Тобою», естественно переходитъ и сливается съ крестопоклоненіемъ, во всемъ его разумѣ: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ.

Прот. С. Булгаковъ.

Оптинскій старецъ о. Амвросій и молодежь.

Оптинскій старецъ о. Амвросій обладал даромъ привлекать къ себѣ не только пожилыхъ людей, но и молодежь, которая охотно шла къ нему, раскрывала передъ нимъ свою душу, просила его совѣтовъ и поступала по его указаніямъ. Это объясняется особенными духовными свойствами старца: его общительностью, веселостью, огромнымъ жизненнымъ опытомъ, живымъ и пронизательнымъ умомъ, начитанностью, въ особенности же его простотою, искренностью и любовью, съ какими онъ относился къ каждому человеку, искавшему его помощи. Мы приведемъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ отношеніе старца Амвросія къ молодежи и, прежде всего, къ дѣтямъ.

Въ Оптиной Пустыни на гостиницѣ проживала одна семья съ маленькими дѣтьми. Чтобы дѣти не скучали, старецъ приказалъ выстроить для дѣтей маленький домикъ, въ которомъ дѣти и играли. Дѣти такъ любили старца, что рисуя

свои картинки, отдавали ихъ старцу на сохраненіе. Старецъ заботливо берегъ ихъ. Когда дѣти уже выросли и совершенно забыли о своихъ рисункахъ, старецъ, однажды, показалъ имъ ихъ, и спросилъ, что съ ними дѣлать?

У старца были двѣ крестницы — Вѣра и Люба Ключаревы. По смерти бабушки, эти дѣвочки остались на попеченіи старца и каждое лѣто проводили въ Оптиной. Онѣ были близнецы и очень любили другъ друга. Когда имъ было 12 лѣтъ, обѣ онѣ, будучи въ Оптиной Пустыни, заболѣли одновременно дифтеритомъ. Во время болѣзни, онѣ ежедневно писали старцу записочки, прося его молитвы и благословенія. Болѣзни онѣ не перенесли и обѣ умерли. Ихъ похоронили на Оптинскомъ кладбищѣ, среди старцевъ. Около нихъ въ послѣдствіи былъ похороненъ и о. Амвросій. Устраивая женскую пустынь въ Шамординѣ, о. Амвросій устроилъ тамъ и пріютъ для дѣ-

тей, которых набралось до 60 человекъ. Дѣтей привозили къ нему отовсюду. Приходитъ одинъ бѣднякъ изъ Сибири и отдаетъ батюшкѣ свою малолѣтнюю дочку: «Возьмите, говоритъ, у нея нѣтъ матери, — что я съ ней буду дѣлать?» Старецъ отправилъ ее въ Шамордино. Среди пріютинокъ была одна, принятая старцемъ съ двухъ лѣтъ. Батюшка спросилъ ее: «къмъ ты будешь?». Ребенокъ, едва умѣвшій говорить, произнесъ: «истинной монашкой». «Смотри же, не обмани!» — сказалъ старецъ. Бывая въ Шамординѣ, старецъ всегда приходилъ въ пріютъ и подолгу тамъ оставался. Заходилъ въ каждую комнату, благословлялъ дѣтей и бесѣдовалъ съ ними. Дѣти читали ему стихи и пѣли. Старецъ задумчиво слушалъ, и часто крупныя слезы катились по его впалымъ щекамъ.

В. В. Розановъ рассказываетъ въ одной изъ своихъ книгъ о случаѣ, бывшемъ у него въ гимназій, когда онъ былъ преподавателемъ въ Смоленскѣ: «Во второмъ классѣ учился высокій, худенькій и необыкновенно оживленный мальчикъ... Ставлю я разъ ему баллъ въ журналчикѣ и вижу, что за предыдущую недѣлю «свидѣтельство въ просмотрѣ балловъ» подписано фамиліей не его, а другого.

«Отчего же ты не родителямъ даль подписать?», спросилъ я мальчика. «Это подпись мамы». «Какъ мамы?». И я указалъ на разность фамилій. У него выразилось въ лицѣ удивленіе: очевидно, это никогда ему въ голову не приходило. «Вѣрно, твоя мама второй разъ замужемъ, и по второму мужу носить эту фамилію?». «Нѣтъ, я вѣрно знаю, что моя мама не второй разъ замужемъ!». Тутъ только я сталъ догадываться, что въ семейномъ положеніи ученика есть ненормальность.

Потомъ, пользуясь веселостью и откровенностью ученика, я сталъ его спрашивать наединѣ, гдѣ же и какъ, и чѣмъ онъ съ родителями живетъ. Всѣ отвѣты

его были, такъ сказать, удивляющи... «Мама моя рисуетъ, только образа пишетъ и больше ничего; вамъ она образа не напишетъ, потому, что на постороннихъ людей не дѣлаетъ, а какъ напишетъ, отвозитъ къ батюшкѣ». — Какому? — «Батюшкѣ Амвросію, въ Оптину Пустынь». — Какъ же она его знаетъ? — «Мы съ нимъ давно знакомы. Онъ такой добрый». — И ты его видѣлъ? — «Меня то онъ особенно и любитъ. Мы въ годъ два кѣ нему ѣздимъ. И всякій разъ онъ поведетъ къ себѣ въ келлію и ласкаетъ меня, и даетъ мнѣ гостинцевъ. И веселый онъ, преселый, постоянно шутитъ и смѣется, мнѣ же позволяетъ все дѣлать у себя и я у него, какъ у себя въ домѣ». Изъ другихъ рассказовъ мнѣ было извѣстно, что о. Амвросій бываетъ серьезень, наставителемъ, а временами даже и суровъ»...

Что же выяснилось потомъ, изъ другихъ источниковъ? «Дочь одного именитаго купца, молодая дѣвушка, образованная и скромная, увлеченная профессоромъ, сдѣлалась матерью. Отецъ выгналъ ее изъ дому ни съ чѣмъ, — на всѣ четыре стороны. Перебралась она въ сосѣдній городокъ, передала ребенка какой-то мѣщанкѣ, обѣщаясь платить, а затѣмъ, какъ и всѣ, живущіе кругомъ Оптиной Пустыни, отправилась къ старцу Амвросію «за прощеніемъ и совѣтомъ». Она вмѣшалась въ толпу ожидавшихъ выхода старца, и готовилась къ тяжелой, стыдливой исповѣди. Каково же было ея недоумѣніе и смущеніе, когда, минуя ближнихъ, онъ позвалъ ее издали; и едва она къ нему подошла и привычно поклонилась до земли, какъ онъ ласково и участливо спросилъ ее, гдѣ она оставила рожденнаго ею младенца. Она все рассказала въ слезахъ. Тогда старецъ указалъ ей немедленно вернуться назадъ, взять отъ женщины ребенка, а «деньги на пропитаніе Богъ пошлетъ»...

Вотъ этотъ-то ребенокъ черезъ 12

лѣтъ и былъ ученикомъ В. В. Розанова. Обратимся теперь къ взрослой молодежи. Одна молодая дѣвушка съ хорошимъ образованіемъ, съ хорошими стремленіями, но измученная сомнѣніями, пустотою жизни и интересовъ окружающей среды, безотчетно, подъ вліяніемъ разказовъ о старцѣ, поѣхала къ нему въ Оптину, не имѣя ввиду никакой опредѣленной цѣли. У старца въ келіи шло всенощное бдѣніе. Было много народа. Стоя въ числѣ другихъ, дѣвушка почувствовала неизъяснимое волненіе. Благодатная теплота охватила ея сердце, и, не замѣчая сама, она стала горько плакать. Вдругъ изъ своей келіи выходитъ старецъ и съ лицомъ, полнымъ сострадательной любви и участія, спрашиваетъ: «кто здѣсь такъ горько плачетъ?». Ему отвѣтили: никто, батюшка, не плачетъ: «Нѣтъ, повторилъ старецъ, здѣсь плачетъ кто то». Дѣвушка призналась, и, послѣ разговора со старцемъ, для нея открылась новая жизнь: старецъ принялъ ее въ Шамордино. Одна дѣвушка изъ большой помѣщичьей семьи, часто бывавшая у старца, долго умоляла свою любимую сестру, съ очень живымъ и нетерпѣливымъ характеромъ, поѣхать вмѣстѣ съ ней въ Оптину. Та, наконецъ, соглашается, чтобы одставить удовольствіе сестрѣ, но всю дорогу громко ворчитъ, а придя къ старцу и сидя въ пріемной, все время возмущается: «Я не стану на колѣни, къ чему это униженіе?» Отворяется дверь. Дѣвушка оказывается закрытой дверью. Всѣ опускаются на колѣни. Старецъ откидываетъ дверь и весело спрашиваетъ: «что это за великанъ тутъ стоитъ?». И затѣмъ говоритъ: «Это — Вѣра пришла смотрѣть лицемѣра!» Знакомство сдѣлано. Вѣра становится обитательницей Шамордина. — Старецъ ходитъ по скиту, опираясь на палку. Одинъ монахъ подводитъ къ нему двухъ молодыхъ людей. Они очень хорошо одѣты и имѣютъ очень благовоспитанный видъ. Старшій изъ нихъ совершенно рав-

нодушенъ къ вѣрѣ. Младшій смотритъ на старца съ недоумѣніемъ: онъ очень недоволенъ, что старецъ нѣсколько дней подрядъ не могъ ихъ принять. Онъ внимательно слѣдитъ за старцемъ и старается его понять. Монахъ проситъ благословить ихъ. Старецъ, не глядя, благословляетъ ихъ и идетъ дальше. Нѣсколько крестьянъ изъ дальней губерніи подходятъ къ старцу и говорятъ: «Мы къ тебѣ съ поклономъ. Прослышали, что у тебя почки болятъ: вотъ тебѣ мягкіе сапожки сдѣлали — носи на здоровье». Второй молодой человѣкъ видитъ все это. И вдругъ ему представилась вся трудовая жизнь старца, и всѣ чужія бремена, которыя онъ принялъ на себя, и вѣра, съ которой на него смотрятъ всѣ эти люди, и любовь крестьянъ, принесшихъ старцу сапожки; сомнѣніе и недоумѣніе, камнемъ лежавшія у него на сердцѣ, исчезли. Онъ подходитъ къ старцу и робко проситъ: «Батюшка! благословите!». Старецъ поворачивается, весело смотритъ на юношу, расспрашиваетъ его о занятіяхъ и о жизни. Юноша уходитъ радостный. Всю обратную дорогу, онъ думаетъ о старцѣ, и на слѣдующее лѣто снова пріѣзжаетъ къ нему.

Изъ приведенныхъ, хотя и краткихъ, разказовъ можно видѣть, какое мѣсто занималъ старецъ Амвросій и какое значеніе имѣлъ онъ въ жизни приходившей къ нему молодежи — своею любовью, своими совѣтами, и всею своею духовною личностью онъ распутывалъ для нея запутавшійся узелъ жизни и показывалъ ей жизнь въ томъ ея истинномъ видѣ и смыслѣ, въ какомъ она должна представляться для христіанина. Этимъ онъ вносилъ въ молодые души ясность, умиротвореніе и радость, и указывалъ истинный путь жизни. Приведемъ въ заключеніе нѣсколько общихъ наставленій старца Амвросія, имѣющихъ значеніе для всякаго времени.

«Утромъ помолись. Въ какомъ состояніи

будешь съ утра, такъ и на цѣлый день пойдешь».

«Если кто хвалитъ тебя, скажи: не хвали, а то послѣ разсоримся. Такихъ людей надо опасаться. Лучше принять злословившаго человѣка».

«Смиряться, и всѣ дѣла твои пойдутъ».

«Смотри на все просто. жить просто, значить, никого не осуждать. Напримѣръ, идетъ Н. Прошелъ, да и только. Это значить, думать просто. А то, при видѣ проходящаго, можно подумать о немъ съ худой стороны: онъ такой-то, характеръ у него такой-то. Это уже не просто».

«Смѣхъ изгоняетъ страхъ Божій».

«Какъ стяжать страхъ Божій? Должно имѣть всегда Бога передъ собою. — Страхъ Божій пробуждается также исполненіемъ заповѣдей Божіихъ».

«Что значить себѣ внимать, съ чего начинать? Надо прежде записывать: какъ въ церковь ходишь, какъ стоишь, какъ глядишь, какъ гордишься, какъ сердишься и проч.»

«Уныніе та же лѣнь: только хуже. Отъ унынія и тѣломъ ослабѣешь и духомъ. Не хочется ни работать, ни молиться; въ церковь ходишь небрежно; и весь человѣкъ ослабѣваетъ».

«Всякій, хоть и небольшой грѣхъ, надо записывать, а послѣ каяться. Непремѣнно нужно грѣхи записывать, а то мы все откладываемъ; то грѣхъ малъ, то стыдно сказать, или, послѣ скажу, а придемъ каяться и сказать нечего».

«Послѣ причащенія у того бываетъ холодность, кто ищетъ утѣшенія отъ причащенія, а кто считаетъ себя недостойнымъ, у того остается благодать».

«Успокойся самъ, тогда и другихъ будешь успокаивать».

«Безъ преданности Промыслу Божию не приобрѣтешь покоя».

«Если хочешь узнать истину о себѣ, ищи ее у враговъ — они тебѣ скажутъ. Это говоритъ Златоустъ».

«Когда бываетъ безчувствіе, надо наиболѣе упражняться въ молитвѣ устной».

«Когда говоришь со смиреннымъ, то огдыхаешь; а когда говоришь съ инымъ, кто себя оправдываетъ, а другихъ винить, — охъ куда какъ умариваешься».

«Напрошенный крестъ трудно нести, а лучше въ простотѣ предаться волѣ Божіей».

«Для царствія небеснаго, говоритъ Григорій Двоесловъ, не существуетъ опредѣленной цѣны. Всякій человѣкъ долженъ отдать за него все, что имѣетъ. Апостоль Петръ отдалъ сѣти. Вдовица — двѣ лепты. У кого миллионы, пусть отдастъ миллионы. А у кого ничего нѣтъ, пусть отдастъ произволеніе».

«Молитва съ понужденіемъ — выше произвольной молитвы: царствіе Божіе силою берется».

«Любовь покрываетъ все. Если кто дѣлаетъ ближнимъ добро по влеченію сердца, а не движимый только долгомъ, то такому діаволъ мѣшать не можетъ; а гдѣ только по долгу, тамъ онъ все-таки старается помѣшать чѣмънибудь».

«Любовь выше всего. Если ты находишь, что въ тебѣ нѣтъ любви, а желаешь ее имѣть: дѣлай дѣла любви, хотя сначала безъ любви. Господь увидитъ гвое желаніе и стараніе и вложитъ въ сердце твое любовь».

«Кто имѣетъ дурное сердце, не долженъ отчаиваться, потому что съ Божію помощью человѣкъ можетъ исправить свое сердце»...